

После Нового года дни полетели один за другим. Не успели они и глазом моргнуть, как в университете начались зимние каникулы.

Накануне отъезда Цзян Цютун снова зажал Цзи Яо дома и трахнул так, что у обоих искры из глаз сыпались.

Отношения у них сейчас были более чем странные. Числились они вроде как парнями, но при этом спали и видели, как бы посильнее насолить друг другу. Дело дошло до абсурда: стоило одному из них сесть в лужу, как у второго от радости просыпался волчий аппетит.

Самую изощренную пакость Цзи Яо устроил после бурной ночи, когда Цзян Цютун всю дорогу крутил и вертел его как хотел. Едва рассвело, пока любовник крепко спал, Яо собрал абсолютно все его пальто и куртки, уволок их в химчистку, а сам по-тихому свалил.

Цзян Цютун тогда заснул сытым и довольным, прижимая к себе теплое тело. Он надеялся, что утром они вместе отправятся на пары. Каково же было его удивление, когда, открыв глаза, он обнаружил, что постель пуста, а из квартиры исчезла вся верхняя одежда. А на дворе стояла зима — лютый январский мороз!

На прикроватной тумбочке сиротливо белела лишь короткая записка: «Твои куртки уехали в стирку. Не благодари!:)»

Цзян Цютун читал это с каменным лицом.

Подобные каверзы сыпались с обеих сторон. Цзи Яо действовал дерзко и беспощадно, а Цзян Цютун вредничал тихо, но со вкусом. Силы были равны: они шли ноздря в ноздрю, сохраняя хрупкое равновесие.

Вот и перед самым отъездом в постели разыгралась похожая драма.

Вообще-то Цзян Цютун планировал устроить перед расставанием что-то по-настоящему нежное и красивое.

То ли из-за того, что их первый раз прошел наперекосяк, то ли еще почему, но каждый их последующий перепихон превращался в настоящую гладиаторскую битву. Однако сейчас, понимая, что они не увидятся больше месяца, Цзян Цютун вдруг почувствовал в груди странную, щемящую пустоту.

Поддавшись этому порыву, вечно холодный и жесткий Цзян Цютун слегка отмяк. Ему хотелось подарить Цзи Яо немного тепла и нежности. На самом деле с другими людьми он держался хоть и отстраненно, но вполне дружелюбно, однако рядом с Яо в него словно вселялся бес.

Но Цзи Яо его благородного порыва не оценил.

После ужина Цзи Яо растянулся на ковре в гостиной, увлеченно уткнувшись в приставку. Цзян Цютун сидел на диване и молча скользил взглядом по изящному изгибу его спины и бедер, лихорадочно соображая, как бы помягче начать разговор.

Но нужные слова не шли на ум. Блестящий доцент Цзян, умница и красноречивый, чьему красноречию завидовали многие, сейчас не мог выдавить из себя ни строчки тех нежных глупостей, которыми тот же Юй Сюань сыпал направо и налево.

Он слишком привык держать марку. И пусть иногда он умел казаться покладистым, его гордость никуда не исчезала — в глубине души он никогда ни перед кем не преклонял колен. А редкие уступки были лишь проявлением снисхождения к тем, кто ему действительно дорог.

Он прекрасно понимал, что не хочет отпускать Цзи Яо. Ему отчаянно хотелось шепнуть ему что-то ласковое, интимное. Глядя на то воркование влюбленных парочек на улице, он ловил себя на уколе зависти. Цютун знал, что вся эта идиллия строится на красивых словах и обоюдных ласках, но понятия не имел, как переступить через себя.

Цзян Цютун приоткрыл рот, помедлил секунду и неуверенно позвал:

— Яояо...

Он впервые назвал его так ласково. Голос прозвучал глуховато, внутри все сжалось от непривычного волнения, хотя внешне он сохранял абсолютное хладнокровие. Странное дело: всего лишь имя, но стоило этим двум слогам слететь с губ, как сердце пропустило удар. Словно робкий росток пробился сквозь сухую землю, расправил единственный нежный листик и мягко коснулся души.

«Яояо...»

Реакция Цзи Яо оказалась диаметрально противоположной. Он замер и уставился на собственные голые руки, по которым мгновенно побежали крупные мурашки.

Переждав приступ экзистенциального ужаса, он со стоном повернул голову:

— Все, я продул. Ты доволен?

Над этим злосчастным уровнем он бился трое суток. Наконец-то забрезжила надежда на победу, но тут Цзян Цютун выдал свой шедевр устного творчества. От неожиданности Яо вздрогнул, пальцы соскользнули с кнопок, и персонаж благополучно склеил лапы. Настроение испарилось без следа, уступив место глухому унынию. У него даже не осталось сил огрызнуться.

Цзян Цютун лишь молча стиснул зубы.

Накатившая досада требовала выхода. Он поднялся, бесцеремонно сгреб притихшего парня в охапку и перетащил на диван. Яо попытался брыкнуться, но его лодыжку тут же намертво зажали длинные пальцы.

— Не дергайся. Посмотрим телевизор.

На самом деле он хотел сказать: «Не вредничай, посиди со мной», но привычка взяла верх, и фраза прозвучала сухо, как армейский приказ.

Ну не умел он сюсюкаться. Хоть убей.

Цзи Яо, впрочем, давно привык к его закидонам. Он лишь фыркнул, но сопротивляться не стал и послушно привалился к боку Цютуна. На экране шел какой-то научно-популярный фильм. Многочисленные синяки на теле красноречиво напоминали: спорить с доцентом Цзяном в такие моменты себе дороже. Этот хрупкий на вид интеллектuala обладал поразительной силой — его изящные пальцы могли легко оставить темные следы на бедрах и развести ноги Яо так широко, как тому и не снилось.

Тихое согласие любовника смягчило Цютуна. Он устроил подбородок на макушке Яо, и они принялись созерцать брачные игры львов на экране. Спустя пару минут Яо почувствовал, как что-то под его ягодицами начало стремительно увеличиваться в объемах и вскоре превратилось в упругий бугорок, недвусмысленно упершийся ему в поясницу.

Цзи Яо выразительно промолчал, но язвительный язык все же взял свое:

— Я, конечно, всякое видел, но чтобы вставал на передачу «В мире животных» — это уже клиника, доцент.

Цзян Цютун не снизошел до оправданий. Да и зачем? Объект его вожделения сидел прямо у него на коленях, такой податливый и теплый. Естественно, он возбудился. Ему хотелось обладать им, подчинить себе — что в этом противоестественного?

Он мягко обхватил ладонью затылок Яо, заставляя его запрокинуть голову, и вовлек в долгий, тягучий поцелуй. На удивление нежный напор озадачил Яо, но он не стал упираться и лениво ответил взаимностью. На душе у Цютуна потеплело. Он крепче обнял парня и медленно повалил его на мягкие подушки дивана.

Но в следующую секунду раздался резкий металлический щелчок.

Цзян Цютун мгновенно помрачнел.

Он попытался дернуть правой рукой, но запястье оказалось намертво приковано стальным кольцом к резной стойке книжного шкафа, стоявшего вплотную к дивану. Цзи Яо улучил

идеальный момент.

— Советую не дергаться, — прищурился Яо, расплываясь в победной улыбке. — Если твоя драгоценная библиотека полетит на пол вместе со шкафом, вини себя.

Цзян Цютун замер, оценивая масштаб катастрофы.

— Ну все, братец Цзян, ты попался, — злорадно протянул Яо.

Он потянулся за вторым браслетом, намереваясь окончательно обезвредить противника, но Цютун отреагировал молниеносно. Цепь оглушительно зазвенела, шкаф качнулся, и мужчина одним мощным рывком подмял шутника под себя, намертво прижав его к дивану свободной левой рукой.

На красивых губах доцента заиграла хищная усмешка:

— Ошибаешься, Яояо. Это тебе конец.

Связать его по рукам и ногам было бы победой, но оставить свободной целую руку? Мальчишка проявил непростительную глупость.

— Ах ты ж гад! — выдохнул Яо, мгновенно растеряв весь свой триумф.

Настроение у Цютуна окончательно испортилось. Ну почему этот несносный мальчишка не может вести себя нормально? Почему каждая их встреча обязательно превращается в войну на выживание? Злиться на него было бесполезно, на себя — глупо, поэтому доцент нашел единственно верный выход из тупика: со всей накопившейся страстью и злостью как следует вытрахал этого негодяя еще раз.

На следующий день, когда пришла пора разъезжаться, Цзи Яо едва волочил ноги. Бедро противно ломило, а походка напоминала движения кавалериста после недельного похода.

Цзян Цютун натянул пальто и сухо предложил подвезти его, на что Яо лишь злобно фыркнул:

— Сдался ты мне!

И с грохотом захлопнул за собой дверь.

Цютун, уже успевший обуться, как раз заходил в спальню за ключами от машины. Вернувшись в прихожую, он застал лишь пустой коридор и эхо от резкого хлопка. Он замер с зажатым в ладони брелоком.

По логике вещей, ему следовало разозлиться на очередное своеобразие любовника. Однако мысль о том, что их последнее перед долгой разлукой слово было столь пренебрежительным, отозвалась внутри странной тоской. Гнев испарился, уступив место какому-то тягучему, тяжелому чувству. Это не была острая боль — скорее глухое, ноющее ощущение где-то под ребрами, от которого невозможно было отмахнуться.

Он прижал ладонь к груди и слегка нахмурился.

Там, в глубине, в тот самый миг, когда защелкнулся замок входной двери, что-то болезненно сжалось.

Тем временем Цзи Яо добрался до своей съемной квартиры. Вещей у него было немного — его семья жила в этом же городе, так что сборы ограничились парой смен белья, заброшенных в обычный городской рюкзак. Закинув лямку на плечо, он отправился к Чжан Хэ.

Их семьи дружили с незапамятных времен. Раньше они жили дверь в дверь в старой многоэтажке, а когда дела у родителей пошли в гору, выкупили два соседних коттеджа в престижном загородном поселке. С тех пор парни всегда возвращались домой вместе.

Когда Яо зашел в прихожую, Чжан Хэ как раз заканчивал приборку. В доме топило вовсю, и парень, стянув футболку, расхаживал с голым торсом, поблескивая от пота. На Яо мгновенно пахнуло густым, концентрированным мужским духом. Окинув оценивающим взглядом рельефные мышцы цвета спелой пшеницы, Яо не удержался:

— Офигеть, Чжан Хэ! Может, перепихнемся по-быстрому, а?

Чжан Хэ утер лоб предплечьем и, даже не повернув головы, весомо уронил:

— Пошел нафиг.

— Ну я же чисто из эстетических соображений! — хихикнул Яо. Он налил себе стакан холодной воды из кувшина и перевел тему: — Ну так когда выдвигаемся?

За три года учебы у них сложилась нерушимая традиция: стоило начаться каникулам, как Чжан Хэ терпеливо ждал, пока Яо разберется со своим гаремом наложниц, после чего заезжал за ним, и они вместе отчаливали в родные пенаты.

Чжан Хэ на секунду замялся:

— Точно... Совсем из головы вылетело. В этот раз я еду один. Точнее, без тебя.

— Это еще почему? — Яо недовольно прищурился. — Что-то стряслось?

— Да нет, — покачал головой Хэ. — Надо дожидаться Ее. Мы с ней уже прилично встречаемся, пора бы познакомить с предками. У нее каникулы только с завтрашнего дня, так что езжай вперед. И только попробуй вякнуть моим родителям!

Договорить он не успел — лицо Яо стремительно расплылось в притворно-сладкой, пакостной улыбочке, на которой крупными буквами читалось: «О-о-о, у кого-то намечаются смотрины! Бегу стучать матушке!»

Сюй Ее была девушкой открытой и боевой, но перспектива знакомства с будущими свекрами заставляла ее заметно нервничать. Если этот оболтус разболтает все раньше времени, родители Чжан Хэ устроят из этого такое помпезное шоу с фейерверками, что бедная девчонка просто сгорит со стыда прямо на пороге.

— Хочешь, чтобы я сохранил твою тайну? — гнусаво протянул Яо, поигрывая бровями. — Поумолай меня.

Чжан Хэ замолчал и уставился на него тяжелым, немигающим взглядом профессионального садиста. Яо внутренне сжался, но мужественно продолжал строить из себя наглого вымогателя.

Пальцы Хэ непроизвольно сжались в кулак:

— Яоя, кажется, кто-то давно не получал по шее.

Против авторитета этого деспота у Яо не было приема. Он моментально пошел на попятную:

— Ладно, ладно! Братец, бес попутал, виноват!

Несмотря на суровый тон, Чжан Хэ все же чувствовал себя немного виноватым за сорванные планы. Чтобы загладить вину, он приготовил шикарный обед. Яо уплетал домашнюю стряпню за обе щеки, жмурясь от удовольствия, и ушел сытый и абсолютно довольный жизнью.

Спустя полчаса после его ухода Чжан Хэ перемыл посуду, вернулся в гостиную и только успел шурхнуть пачкой чипсов, собираясь наконец перевести дух, как его взгляд уперся в сиротливо стоящий в углу рюкзак.

Он тут же набрал номер этого недоразумения:

— Цзи Яо, живо гребь обратно! Ты свой рюкзак забыл!

В трубке раздался довольный, залиvistый смех:

— Ой, как неловко вышло! Прямо беда с этой девичьей памятью... Слушай, будь другом, захвати его с собой, а? Иначе я все-таки проговорюсь твоей маме насчет Ее. Все, пока-пока!

И прежде чем Чжан Хэ успел издать хоть звук, на том конце коротко пискнули отбойные гудки.

Раздался тихий хруст.

Чжан Хэ с абсолютно каменным лицом сжал ладонь, превратив пачку чипсов в труху.

<http://bllate.org/book/20554/2186003>